

Валерий Рашкин: Меня не сломить

22 апреля первый секретарь Московского горкома КПРФ Валерий Рашкин был признан виновным в незаконной охоте с назначением наказания в виде 3 лет лишения свободы условно с испытательным сроком в 2 года. Рашкин подал апелляцию, которая была рассмотрена 23 мая. В её удовлетворении суд отказал, после чего Госдума лишила Рашкина депутатского мандата. Оппозиции очевидно, что произошла политическая расправа. Решение суда пришло в Госдуму 24 мая, а Совет Думы, спеша избавиться от неугодного депутата, уже 23 мая вынес этот вопрос на пленарное заседание, не дожидаясь официального документа. Мы поговорили с Валерием Фёдоровичем о российском правосудии, а также о том, что он планирует делать дальше.

– Валерий Фёдорович, расскажите поподробнее о несостыковках в этом странном деле.

– У меня создалось чёткое впечатление, что эта операция готовилась. Эта провокация была направлена на то, чтобы дискредитировать меня как политика, выбить из обоймы активного борца. Вот буквально несколько фактов, судите сами.

Во-первых, доверенность на ведение уголовного дела от комитета по охоте и рыболовству была выдана человеку за 5 дней до дня охоты. Доверенность выдали, заранее зная, что это должно случиться.

Во-вторых, представитель комитета, который оказался в лесу, рассказал, что анонимный звонок о незаконной охоте ему поступил за несколько часов до начала охоты. В этот момент я ещё и сам не доехал туда, а звонок уже поступил.

Кроме того, экспертизами (их проводило МВД, а не мы) было выявлено, что мой карабин был почищен. Кем? Я этого не делал, в этом не было никакого смысла. Но дело в том, что следствию нужно было вещественное доказательство, а пули в лесе не нашли. Видимо, из карабина был произведён выстрел, а почистили его, чтобы это скрыть. Выстрелили в дерево.

Мы сделали экспертизу на заводе-изготовителе этих патронов. Экспертиза однозначно показала: пуля не может пробить тело лося, а потом ещё и дерево, прошив его практически насквозь. Это исключено. То есть доказательство было сфальсифицировано. Этот факт и Следственный Комитет, и Генеральная прокуратура всячески обходят стороной.

Можно ещё долго перечислять разные интересные моменты, но и сказанного уже достаточно, чтобы сделать определённый вывод. Слежка за мной, начиная с аэропорта, заранее выданная доверенность, мгновенный слёт силовиков и корреспондентов в два часа ночи в лесу – конечно, это всё было заранее спланировано.

Меня пригласили друзья-охотники. Они заверили, что документы есть, охота открыта, можно стрелять. Я стрелял, будучи в полной уверенности, что всё за-

конно, как и всегда. До этого я раз в пару лет приезжал к ним – все разрешения всегда были оформлены. И только потом выяснилось, что этих документов нет. И человек, который меня пригласил на охоту, отказался ехать разделять зверя, чего раньше никогда не было.

– Они до сих пор ваши друзья?

– Бывшие. Ни говорить, ни тем более взаимодействовать с этими людьми я уже никогда не буду. Они были задействованы в этом театре. Это закон природы: и добро, и зло, которое творят люди, всегда к ним возвращаются. К этим людям всё тоже вернётся.

– А что вы можете сказать о видео, появившихся с места охоты?

– Инспектор, который был в лесу, в соответствии с законодательством был обязан вести запись на видеорегистратор. И он вёл. Но странным образом после того, как ему надо было давать показания, он заявил, что регистратор утерян. Вот там было настоящее видео, а не эти фальшивые ролики, сделанные неизвестными людьми. Там были растянуты аудио- и видеодорожки, из меня сделали какого-то замедленного зомби.

– В чём смысл «потери» реального видео?

– В лесу присутствовали неизвестные лица, которые так и остались инкогнито. Это явно были представители силовых структур высокого ранга. Этих людей просто вывели за скобки. Так вот на этом видео было всё: лица этих людей, их телефонные разговоры. Это видео позволило бы нам в суде доказать, что всё было заранее спланировано. Тем более что на допросе выяснилось, что в этом месте и лесей-то нет. Это достаточно маленькое по площади место, окружённое трассами. Там шумно, и они там не живут. Я не исключаю, что лося могли привезти туда специально, и это тоже можно было выявить с помощью видеорегистратора либо в разговорах по телефону.

Мы потребовали от следователя взять все пеленги – какие были звонки из этой местности. Мы-то свои дали. Но делать это следствие не стало, хотя технически

это делается очень просто. Мы также запросили видео этого места из космоса. Сейчас это делается регулярно, можно спичечный коробок рассмотреть. Было бы видно, кто где прятался, привозили лося или нет. Получили полный отказ. То есть цели добиться истины ни у следствия, ни у суда не было.

– Вы ведь возместили ущерб. К чему удалось придаться нашему «самому гуманному суду в мире»?

– Всё подводили к тому, что я умышленно охотился, не имея разрешения. 20 тысяч рублей стоит путёвка на лося. Я вполне обеспечен, и без всяких вопросов купил бы её, если бы документами занимался я.

Вся компенсация ущерба прописана в законе построчно. 400 тысяч в сумме – это ущерб, я заплатил даже больше. Более того, зная практику компенсации ущерба, я сделал выплаты на корма на 3,5 года вперёд. Потом гособвинение стало говорить, что деньги деньгами,

но подавай живого лося. Я решил закупить этого лося и привезти в Саратовскую область. Но по всей России была дана команда не продавать мне лося. В течение 4 месяцев мы искали этого лося – нам отказали 24 субъекта РФ. Открытым текстом говорили, что им запрещено продавать мне лося. Помогли в Иркутской области – спасибо Сергею Георгиевичу Левченко, он помог найти охотника, который не побоялся угроз и таки продал лося. Но комитету по охоте и рыболовству дали команду – и он просто тупо не забирает этого лося. Я продолжаю настаивать, чтобы комитет его забрал, теперь уже через суд.

– Будете ли судиться дальше, отстаивая своё честное имя? Верите ли в наше правосудие?

– Да, я не оставляю это дело просто так. По поводу фальсификации доказательной базы мы подали отдельные заявления, сегодня они находятся в Генеральной прокуратуре. Я требовал, требую и буду требовать расследования этого вопроса, вся фактура есть. В наше правосудие я не верю, его нет. Мы изучили более 600 дел об охоте такого типа. В подавляющем большинстве случаев, если человек компенсировал весь ущерб, дело ограничивалось штрафом. Более того, вспомните историю на Алтае с полпредом Косопкиным, где угробили людей, вертолёт и краснокишечных архаров – уголовное дело завели и так же успешно его закрыли, никого не наказали. Или возьмите начальника московского главка ОВД Баранова, который подстрелил на охоте лося, а егеря – даже дело уголовное не завели. Такие вот двойные стандарты. Но не бороться нельзя.

– Что дальше?

Сейчас мне часто задают этот вопрос. Якобы всё рухнуло, жизнь закончилась. Да, мандата Депутата Госдумы я лишён, есть 3 года условно, 2 года испытательный срок, буду в этих условиях работать и жить. Ничего не закончилось, ничего не рухнуло. Я работал первым секретарём Саратовской областной партийной организации без статуса депутата вообще. Я

был депутатом городского совета народных депутатов, в 93-м году разогнали все советы, и тогда у меня тоже не было никакого депутатского мандата. Понимая, что была совершена роковая ошибка перехода от социализма к бандитскому капитализму, я без всяких мандатов занимался восстановлением Коммунистической партии. И с тех пор коммунисты меня поддерживают за мою позицию, за активность. Наличие позиции и убеждений никак не связано с наличием депутатского мандата. Есть объём работы, есть идеи, как претворить в жизнь нашу программу, как вдохнуть в россиян уверенность, что капитализм гибелен для народа и страны. Я не вижу никаких нюансов и никакой трагедии в том, что сегодня у меня нет мандата. Я остаюсь первым секретарём, партийная организация мне это доверила и доверяет, я буду продолжать эту деятельность. Меня не сломить. Был, есть и останусь активным борцом за то, чтобы солнце социализма взошло над нашей страной. Я разочарую тех, кто хотел снизить накал борьбы Московской партийной организации за лучшую жизнь.

– Каковы ближайшие планы?

– Этой осенью состоятся выборы в органы местного самоуправления в Москве – будут избраны 1600 муниципальных депутатов. Сейчас мы набираем большое количество настоячивых, грамотных людей, желающих изменить ситуацию и навести порядок, для начала в своих районах.

В последнее время у нас были системные успехи на выборном направлении. Если сравнить выборы в Госдуму прошлого созыва и этого, мы получили колоссальную прибавку – за КПРФ проголосовали в 2,4 раза больше людей, чем 5 лет назад. Для «Единой России» это трагедия. Без дистанционного электронного голосования для них это был бы полный разгром. Они это понимают, поэтому и хватаются за ДЭГ, как за спасительную соломинку, все прекрасно это знают. Если бы не ДЭГ, то в Москве КПРФ взяла бы 10-12 мандатов. Если взять Московскую городскую Думу, то там мы в 3 с лишним раза увеличили количество мандатов. Я убеждён, что на выборах в органы местного самоуправления мы тоже будем выглядеть победно.

Наша победа – не для того, чтобы сказать, что мы победили. Сейчас в Мосгордуме большинство у единороссов, на местном уровне тоже засилье представителей «Единой России» и мэрии. Наша победа – залог изменения социально-экономического курса на той территории, где депутатом становятся наши представители. Это и качественное проведение капитального ремонта, это и уменьшение в разы искусственно завышенных тарифов, и защита зелёных зон, и противостояние точечной застройке, и борьба с пробками. Огромные средства, которые тратятся нерационально, огромные коррупционные потоки, бессмысленная и беспощадная перекладка асфальта, плитки, бордюров – всё это происходит с одобрения и под контролем «Единой России». Всё это будет изменено с приходом большинства наших депутатов в органы местного самоуправления.

– Но ведь органы местного самоуправления фактически бесправны.

– И сам статус органов местного самоуправления будет изменён основательно. Есть три уровня использования бюджетных средств: мэрия, префектуры и органы местного самоуправления. Последним достаются лишь крохи с барского стола. Ни полномочий, ни приоритетов в бюджетной трате денег они не имеют. Это всё надо менять. Убеждён, что мы обречены на успех.

Конечно, к выборам готовимся не только мы – власти тоже готовятся, изменяя законодательство, чтобы можно было фальсифицировать результаты в пользу «Единой России». Мы всё это видим. Но бесконечно обманывать и воровать у народа невозможно. Я считаю, что предел беспредела, если можно так сказать, уже наступил.

Надежда Веселова